

16+

Владислав Мостык

Легенда Олдриджа

Владислав Мостыка
Легенда Олдриджа

«Автор»

2019

Мостыка В.

Легенда Олдриджа / В. Мостыка — «Автор», 2019

Рассказ, повествующий о событиях крайне странных, мистических и пугающих, которые затащили обычного человека в темный омут сверхъестественного приключения. Главный герой, преодолевая ужас, буквально прикоснется к истинному злу...

© Мостыка В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владислав Мостыка Легенда Олдриджа

*Все эти толки, однако, были
чрезвычайно туманны и долгое
время терзали мое неудовлетворенное
любопытство. Ничто на свете
не добывается с такими трудами,
как истина, а истина для меня –
самое дорогое на свете.*

Вашингтон Ирвинг

«Рассказы путешественника»

1

Для меня Нассау был тихим и уютным уголком, где теплые лучи яркого солнца ласкали кромки высоких пальм и заботливо укрывали голубую гавань, поблескивая на поверхности кристально чистой воды. Высокие скалы вздымались далеко вверх, что казалось, они своими острыми кончиками цепляют белые клубы облаков, гонимых теплыми ветрами. Непроходимые зеленые джунгли, усеянные объемистыми папоротниками и деревьями с обвисшими лианами, населяли самые разные представители тропической фауны. Тут на болотах встречались хладнокровные крокодилы, спокойно сидевшие под водной гладью и выжидавшие свою жертву. В лесах и на скалах сновали хищные пантеры и кабаны. На бескрайнем горячем пляже можно было встретить прыткую игуану, а в дуплах деревьев в дневную жару прятались пятнистые оцелоты. Игривые обезьяны свисали с лиан в джунглях, то и дело бросали на тебя пытливые взгляды и, пронизывая воздух своим причудливым криком, приглашали на пирушку где-то в банановой роще. Казалось, здесь царили мир и спокойствие не оскверненные человеком.

Вокруг большой гавани и вглубь острова рассыпались деревянные хижины, количество которых увеличивалось с каждым месяцем. Изначально маленькое поселение постепенно переросло в небольшой городок. Здесь уже были возведены несколько часовен, церквей и целых три трактира, два из которых предоставляли комнаты в аренду проплывающим мимо морякам и путешественникам. Здесь жители занимались охотой, вырубкой лесов под сырье для строительства домов и кораблей, занимали большие площади для плантаций сахарного тростника. Все это нарушало местную гармонию флоры и фауны, которая даже на отдаленном острове в море не смогла защититься от пагубной руки человека. Но вместе с этим все здесь буйствовало и пахло как бы вопреки разрушающей природе людей.

Я стоял на террасе своего небольшого каменного дома, который притаился на окраине городка отдаленно от всей этой суеты, и наблюдал за прекрасной гаванью. Смотрел, как приходят и уходят корабли, слушал крики чаек и любовался, как кровавое солнце поджигает морской горизонт. Прямо посреди залива недалеко от берега взлетала вверх острая скала, словно маленький островок, омываемый со всех сторон солеными водами. Из-за него, залитый теплыми лучами солнца, лениво выплыл обшарпанный корабль с черными, как ночь парусами и флагом на мачте с изображением белых костей. Деревянные борта корабля были изрезаны шрамами пробоин от тяжелых ядер военных судов. Команда матросов на борту, несмотря на свой потрепанный вид, была весела и в меру пьяна. Они горланили матросские песни и использовали в них самую отборную брань, которую можно было только придумать. Эти люди сновали на своих небольших судах по Карибскому морю и нагоняли холодный страх и ужас на всех торговцев и даже военных, плавающих в здешних водах. Основную часть таких команд составляли бывшие каперы и солдаты, продавшие свою Родину во имя свободы. Ну, по крайней мере, они так считали. С отвагой и честью бороздили воды океана, с черным костяным флагом на мачте, устраивая разбой и грабя торговые и военные суда. Здешний народ называл их пиратами. В основном они жили в трактирах или устраивали свои небольшие лагеря, где-то на окраинах деревень и городов. Свободный народ без писаных законов и правил, живущий так как ему заблагорассудится. «Последний оплот человеческой свободы» – как сказал один мой знакомый кузнец, делающий сабли для пиратов.

Нассау был так называемым домом для свободных людей. На этом большом острове всегда царили свобода и беззаконие, не тронутые ни британскими, ни испанскими военными. Шел 1605 год и эти земли были охвачены кровавым пламенем войны, так что множество островов ютились под руководством той или иной стороны воюющих держав. Но не Нассау. Ни один король, ни один правитель никогда не зарился на эту землю, а если и зарился, то непременно терпел неудачу. Остров словно охраняли некие мистические силы, не дающие никому из

«сильных мира сего» завоевать и спрятать его под крыло монархического правления, насытив здешний народ тираническими законами и непомерными налогами. Пираты никогда не задирали местных жителей и не устраивали здесь разгромов и дебошей за исключением пьяных драк и ссор, зачастую только между собой. Они обитали на окраине городка, в своем небольшом лагере, откуда по ночам всегда доносились громкие песни и пьяные крики вперемешку с грубым и брутальным смехом моряков. Большая часть этой публики разбредалась по местным трактирам в поисках музыки, танцев и женских объятий. Мирные жители не были против такого соседства и вместе с этими удалыми ребятами так же веселились и пили многие ночи напролет. Такое соседство развратило Нассау, сделав его домом для изгоев. Город был преисполнен весельем, развлечением и похотью затягивая людей в омут безрассудства и забвения, отделяя их от проблем внешнего мира.

Если сказать, что я против такого соседства, такой жизни, то это будет враньем. Не привык кривить душой, поэтому скажу, так как есть. Долгое время я водил дружбу с пиратами, предаваясь вместе с ними утехам и веселью, которые может предоставить тебе Нассау. Скитаясь по трактирам в компании развеселых ребят, упивался страстью и развратностью местных женщин, заливаясь хмельным ромом и пивом. Жизнь была прекрасна, я любил все это и был безгранично счастлив, что родился именно здесь, на этом чудном, зеленом острове, где всегда правили бал веселье и разврат. Зачастую все эти пьяные посиделки заканчивались разбитыми бутылками о головы товарищей и драками, которые сопровождалась сломанными столами и стульями. И почти всегда участники таких драм заканчивали свои бои под музыку, смех и примирительную бутылку рома. Сломанное имущество трактирщиков щедро оплачивалось разбушевавшимися пиратами, поэтому они зачастую даже не вмешивались в подобные ситуации. Да и драки скорее походили не на яростное варварское насилие над сородичем, а на обычный, тривиальный кулачный бой, где самой ужасной травмой мог быть сломанный нос или рука. В очень редких случаях исход для участвующего мог быть летальным, но это скорее исключение, чем правило. Настолько исключение, что за свои тридцать с лишним лет я о таком слышал лишь однажды, когда еще был совсем подростком. Я сам не единожды участвовал в подобных мероприятиях и успел получить несколько шрамов на носу и над левой бровью. Наверное, из-за моей любви к пьянству и дракам я сыскал уважение и признание среди пиратов и стал их товарищем и другом. Так месяц за месяцем, год за годом пролетала моя беззаботная жизнь в обители Белиалла.

Несколько лет назад я сидел в трактире за длинным деревянным столом в компании пьяных моряков и сладострастных женщин. Как обычно над столом кружились клубы дыма от раскуренных трубок, самые отборные рассказы о пиратских приключениях в далеких морях лились так же обильно, как и реки крепкого рома. Я сидел, опустив голову вниз, поникший и подавлен тем фактом, что потерял свой последний оставшийся корабль, который сдавал в аренду одному купцу из Кингстона. Разразилась большая буря, и команда тогда еще живого торговца не могла совладать судном в столь суровую погоду и разбилась о скалы, превратив мое единственное средство для заработка в груды дерева и тряпья, расплывшегося по всему Карибскому морю. Эту весть, с тяжелым сердцем, принес мне один хороший друг, с которым я был знаком очень давно и, как можно было догадаться, был пиратом. Он рассказал мне, как сам видел корабль, со всей силы врезавшийся в скалу близ Кингстона и от которого ничего не осталось, как и от его команды. К торговцу и его ребятам я не испытывал никакой жалости, ибо это были еще те проныры все время пытающиеся тебя всячески обмануть ради собственной выгоды. Да и человеком я был тогда довольно суровым и циничным что бы сочувствовать незнакомой команде и их капитану из Кингстона. Единственное, о чем я мог только думать так это о своем утраченном корабле и о том, что теперь у меня не было средства для заработка денег, и что мне делать дальше, как зарабатывать на существование я не знал. Не знал, потому что всю свою жизнь ничем не занимался кроме как брать с людей деньги за пользова-

ние моим флотом. Да да, именно флотом, состоявшим из десятка кораблей, который достался мне в наследство от отца. И все это наследство кануло в лету после того, как на Нассау напали испанские военные тщетно пытающиеся захватить остров. Как я уже говорил, эти земли как будто охраняли какие-то незримые силы, не давшие их поработить. После попытки захвата и впоследствии большого поражения испанцы никогда больше сюда не возвращались. Видимо посчитав остров не таким уж и важным для их страны, или просто боялись легенд, ходивших среди людей об этом проклятом месте. Ну, это были всего лишь легенды и, обитая здесь три десятка лет, я так и не заметил ничего зловещего в здешних краях. Мне казалось все намного проще. В тот кровавый день, когда испанцы норовили забрать остров под свой флаг, как раз накануне, приплыл некий Алистер Олдридж, более известен по прозвищу «Мастодонт». Это был высокий и сбитый седоволосый пират с короткой бородой и длинными волосами, которые хаотично торчали из-под его кожаной шляпы. Лицо исполосовано канавами шрамов было морщинистым и суровым нагоняя холодный ужас в души людей. Почти что нечеловеческих размеров, в свои пятьдесят шесть лет он был самым свирепым и бескомпромиссным пиратом в здешних водах. Его боялись абсолютно все, несмотря на преклонный возраст, он мог дать фору самым молодым и сильным бойцам. Ходила молва, что в бою ему помогает сам Люцифер, направляя саблю пирата против всех, кто встанет у него на пути. Это был очень искусный фехтовальщик с нечеловеческой силой в руках, он походил на могучего волка, способный загрызть любого, кто посмеет ему перечить. Олдридж собрал вокруг себя команду из самых отважных пиратов, которые не знали ни страха, ни жалости. Все его люди были безоговорочно верны своему капитану и бросались в бой по первому же зову. За ними всегда шлейфом тянулись смерть, кровь и страдание под ужасающие душу возгласы их предводителя.

В то утро, когда испанцы решили атаковать остров, они еще не знали, с чем им придется столкнуться. После шумного пира по поводу возвращения Мастодонта к родному дому, Олдридж и его команда тихо и мирно отдыхали у себя в лагере, расположившемся на отдаленном пляже далеко за городом. Как дождь из ясного неба на Нассау обрушились пушечные ядра линейных кораблей. С востока и севера к острову на полном ходу неслись шлюпки с испанскими солдатами. Под металлическим градом по городу в панике носились люди, пытаясь найти укрытие или просто убежать в джунгли. Когда обстрел с корабля закончился, в город ворвались солдаты, размахивая своими саблями и рубя головы всем, кто попадет под руку, будь это вооруженный пират или простолюдин. Я не был воином, но прекрасно умел обращаться с клинком. Поэтому схватив свой палаш, который был спрятан в сундуке под кроватью, я выбежал на улицу и встал на защиту родного острова. Солдат было слишком много, а пиратов и жителей способных держать оружие в руках, можно было сосчитать на пальцах. К тому же все они были не в лучшей форме после бурной ночи. Я был уверен, что город и остров обречен на поражение. Вдруг, как гром среди белого дня, заревел пронзительный и грубый возглас Мастодонта, призывающий к атаке. Из джунглей на юге выбежал Алистер со своими бравыми ребятами. Их было всего человек пятьдесят, что в разы меньше, чем армия атакующих. В то время я был наслышан о Мастодонте, знал о его удалых бойцах и об их способностях в бою, но все равно мне это не внушало надежды. Так или иначе, численное превосходство было на стороне испанцев. Значительное численное превосходство. Каким бы мастерством не обладали бойцы Олдриджа, каким бы сильным и свирепым ни был сам Алистер, все равно шансов почти не было против испанских вояк.

Отбиваясь от неприятелей на улицах городка, я почти выдохся и был ранен. Рана была не тяжелой, но все равно давала о себе знать с каждым взмахом палаша. Изувеченное плечо пульсировало всякий раз, когда поднимался клинок. Я уже был готов умереть от руки захватчика, как краем глаза увидел нечто сверхъестественное или даже мифическое. Увидел легенду, ожившую легенду. В толпу разожженных пламенем боя испанцев ворвался Мастодонт, словно великан, снося всякого кто у него на пути; с огромным двуручным мечом наперевес он разма-

хивал им направо и налево, как будто тот не имел ни малейшего веса. Словно это был не меч вовсе, а простая деревянная палка. Во все стороны от Мастодонта разлетались отрубленные головы и руки. Кровь лилась рекой, крики со всех сторон и страдальческие стоны заставили меня содрогнуться. Алистер сражался подле меня, и я мог видеть этого зверя во плоти человека. Его седые волосы и борода полностью пропитались кровью, лицо было в кровавых потеках, одежда так же покрылась алой краской. Тот, кого я видел больше походил на демона, поднявшегося из глубин самой преисподней, а не на человеческого воина, жестокого и сильного. Его стиль и манера боя походили на жуткий танец смерти и страдания. Он двигался так быстро и причудливо, что к слову не сочеталось с его огромными размерами. Я повидал много жестоких, сильных и отчаянных воинов, но Олдридж... Это было что-то из ряда вон. Он прорубал путь сквозь толпы врагов, парируя каждый направленный в его сторону удар и в то же время нанося в ответ смертельные увечья, не был ни разу ранен сам. Я был почти уверен, что Алистер не человек вовсе, и был готов поверить во все легенды, которые ходили меж простых людей об этом пирате. Вслед за своим капитаном к бою присоединились остальные бойцы Мастодонта, которые сражались так же отважно и смело, не уступая своему предводителю ни в жестокости, ни в мастерстве. Таким образом, спустя довольно короткий промежуток времени испанцы бросили свое оружие и принялись убегать к своим лодкам. Улицы городка были залиты кровью и обильно усыпаны частями отрубленных конечностей, но бой был выигран. Нассау так и остался оплотом свободы. Остров и город очень быстро оправались от ран, нанесенных жестоким боем, и вскоре здесь снова воцарились веселье и разврат. После этих событий я имел удовольствие познакомиться с Алистером Олдриджем и убедился в том, что это был всего лишь человек, а не демон во плоти. В тот ужасный день я видимо был слишком разгорячен в бою, и воображение сыграло со мной злую шутку. Точнее не воображение, а скорее мое восприятие. Я не был солдатом или пиратом каждую неделю участвующим в кровавых боях; и простое мастерство, и талант я мог определить как нечто сверхчеловеческое или даже демоническое. После нескольких пирушек в компании Алистера у костра на пляже я был полностью уверен в том, что Мастодонт всего лишь человек. Жестокий, суровый и талантливый, но человек.

И вот сидя за длинным деревянным столом, во главе которого сидел тот самый Олдридж, я, повесив голову, вспоминал день нападения; вспоминал, как горит мой флот, как по счастливому стечению обстоятельств один из кораблей остался цел и от которого теперь остались только ошметки. С этого момента у меня не было ничего кроме маленькой хижины недалеко от трактира. Хмельная пелена застила свет от горящих свечей, и я под неугомонно льющуюся антимонию сидел в полудреме за столом, не прислушиваясь к разговорам. Но, не смотря на мое полусонное состояние слух, все-таки уловил одну историю, которую так выразительно насколько это возможно, рассказывал Олдридж. Точнее даже не историю, а легенду живущую, по словам пирата, среди моряков с незапамятных времен. И сейчас я попытаюсь как можно точнее пересказать эту историю. Хотя это не составит особого труда, ибо сей рассказ врезался мне в память настолько сильно, что помню все подробности до мельчайших деталей.

2

Олдридж как обычно сидел во главе стола на большом, деревянном с подлокотниками резном стуле. Под массивным телом пирата крепкий стул поскрипывал и потрескивал изо всех сил стараясь удержать на себе этого огромного человека. Алистер всегда отличался умением экспрессивно рассказывать истории. Слушать его было одним удовольствием. Грубый баритон в купе с суровой, в какой-то степени даже отталкивающей внешностью, помогали погрузиться в омут его мрачных рассказов с головой. Манера повествования буквально заставляла тебя жить в этих готических байках. Реальность почти уходила, оставался только грубый голос и всегда захватывающий сюжет. Когда Алистер начинал рассказывать очередную басню, легенду или историю из жизни пиратов, весь трактир затихал и внимал словам, льющимся из уст старого Мастодронта.

—Давным-давно, еще с незапамятных времен, среди моряков ходила одна ужасающая душу легенда о трех сестрах. — Олдридж, поскрипев немного стулом, уселся поудобнее. — Три сестры, которые появлялись во времена великих потопов по всему миру. Каждый раз, когда острова скрывались под водой, когда на побережья больших материков обрушивалась свирепая ярость безудержных цунами, выжившие рассказывали, что видели собственными глазами женщину неземной красоты, идущую по вершине волны. Все как один твердили, будто она управляла водной стихией, и по ее велению разрушающая сила воды ополчалась на города и деревни, унося множество невинных душ прямоком в тартарары. Их, конечно же, признавали безумцами, все списывали на галлюцинации и затуманенный рассудок на почве пережитого бедствия. Много таких очевидцев попадало прямоком в дома для душевно больных. Люди самых разных вероисповеданий списывали эти ужасные потопа на упавшую ярость разгневанных богов и пытались всячески убажить последних самыми разными способами от кровавых жертвоприношений до банальных молитв. Остальные же, более скептические группы людей не видели в этом ничего сверхъестественного или мистического и твердили что это лишьделки природы, а все остальное только банальные завиральные теории, не имеющие в своем фундаменте фактов. Но всякий раз после очередного катаклизма выжившие очевидцы описывали одну и ту же женщину в бледно голубом, почти белом платье до пола с длинным шлейфом. Она обладала безупречной внешностью, очень приятными и нежными чертами лица, с длинными до пояса, светло-русскими волосами, которые небрежно падали на плечи густыми локонами. Ее видели то на гребне волны, она подобно некой сверхъестественной всаднице управляла могучей водной стихией, то гуляющей по улицам и распевающей странные и мрачные песни накануне бедствия. Но вся правда заключалась в том, что она была не одна. Древняя легенда рассказывает о трех сестрах, отцом которых был сам Акгран, один из древнейших демонов обитающий в глубинах самой преисподней. И каждые сто лет, из темных уголков Ада, на Землю поднимались три девушки, которые были наделены огромной потусторонней силой, способной отнять и унести в глубины тьмы тысячи человеческих жизней. Все души тех людей, которые были погублены беспощадными сестрами, отправлялись прямоком в Ад, где их поглощал могучий Акгран. Первая самая сильная из трех с длинными светло-русскими волосами в бледно голубом платье, ее то и видели на местах бедствий. Эту легенду я услышал от одного старика, живущего на Юкатане, который любезно согласился мне помочь со сбытом сахара. По его словам, он сам лично видел ту девушку, слышал ее мрачные песнопения накануне страшного цунами, разрушившего побережье Юкатана. Но самое странное в этой легенде было то, что она рассказывает непременно о трех женщинах, двух из которых никто и никогда не видел. Всегда и везде появлялась только одна из сестер. Прекрасная дама в бледно голубом платье, с русыми, красивыми волосами, несущая за собой лишь смерть и страдание...

Эта легенда запомнилась мне на всю оставшуюся жизнь. По каким причинам это произошло, я не могу судить. Возможно, причиной стала моя романтическая натура, которая была подстегнута хмелем в голове, и картина о прекрасной женщине запечатлелась у меня в голове, даже невзирая на весь ужас, которым пестрила история Олдриджа. А может быть, интерес во мне пробудил тот факт, что отцом этих самых роковых сестер оказался сам Акгран, сильнейший и жесточайший из всех демонов, когда-либо известных человеческим легендам и фольклору. Меня всегда притягивала неизвестность, тайна... Иногда глядя на звездное небо, я мог часами лежать и рассуждать о Космосе и о нашей роли в этом темном омуте. Едва ли мы одни во Вселенной. Наверняка существуют и другие цивилизации или расы, которые уже были на нашей планете и возможно их не раз видели люди. Отсюда и походят все легенды о чудовищах, демонах и множество других существ. Но все это остается лишь тайной, которую людям, скорее всего, не дано разгадать. Но это не мешает мне мечтать и фантазировать о других измерениях и инопланетных существах, которые живут где-то рядом с нами. Акгран же был интересен тем, что о нем было очень мало легенд и рассказов. А те, что были, непременно гласили о вселенском ужасе в лице этого незаурядного демона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.